

Случай первых известных городов: Плодородный полумесяц и Месопотамия

МАРСЕЛЬ ЕНАФФ

27 ЛЮТОГО 2019

Фото: Aaron White

В наше время наиболее древние и наиболее изученные примеры градостроения — это Месопотамия и территория Плодородного полумесяца. В этой области существует огромное количество источников хорошей сохранности. Использование некоторых данных археологии¹

также может быть крайне полезно. Мы располагаем эффективными критериями анализа материальных условий изменения мест проживания, трансформации строительных техник, предназначения зданий и в конечном итоге социальной иерархии обжитого пространства. Давайте рассмотрим эти разнообразные примеры.

Первое принимающееся всеми исследователями сведение гласит, что город как феномен появился в оседлых аграрных сообществах. Это не новое открытие, ведь археологи говорили об этом ещё с XIX века. Однако сегодня мы знаем, что существовали и оседлые сообщества охотников-собирателей, о чём свидетельствуют примеры Палестины или Сирийских холмов эпохи натуфийской культуры (12.500-10.000 до н.э.)². Это стало возможным благодаря изобилию дикорастущих злаковых культур и дичи. Те же условия способствовали одомашниванию растений и животных. Упомянутые факты говорят нам о необходимости внимательного обращения с концептом оседлости, ведь оседлый образ жизни вели задолго до появления сельского хозяйства, и с понятием одомашнивания, которое, как настаивал Жак Кован³, нельзя свести к потребности в мясной пище. Одомашнивание скорее свидетельствует о трансформации символических отношений между человеком и животным, в рамках которых зарождается новое желание человека доминировать над всем биотопом.

Второе сведение указывает на то, что сельское хозяйство впервые появляется на холмах Плодородного полумесяца либо на территориях с обилием диких зверей (бараны, козы) или растений (злаки, овощи, фрукты и т.д.). Однако урбанистический скачок происходит не на этих холмах, а в долинах рек, где практически не было таких пищевых ресурсов. Необходимо учитывать это удивительное несоответствие. Поэтому, прежде чем перейти к ответам недавней археологии, будет полезным обозначить особенности изменения мест проживания людей.

В первую очередь заметим, что даже если модель города воплощает в себе разрыв общества с моделью деревни, последняя не прекращает быть формой оседлости *par excellence*, а также местом первых решающих морфологических изменений пространства дома. На протяжении более двух тысячелетий деревня оставалась единственной существующей формой совместного проживания. Поэтому не стоит вслед за некоторыми историками, наделявшими особой важностью ритуалы градостроительства, преувеличивать разрыв между двумя упомянутыми типами агломераций – каким бы реальным он ни был. Правда состоит в том, что тысячелетия развития деревенского жилья и техник его строения стали решающими при переходе к городской архитектуре. На самом деле, в сравнении с сообществами охотников-собирателей предыдущих веков главной чертой новых решений в построении жилья становится переход от круглой формы к прямоугольной. К тому же, новый тип сооружений не

углубляется в землю, но устремляется ввысь⁴. Ж. Кован объясняет это таким образом: «круглый дом сразу занимает определенную площадь и, расширяясь, приходит в тупик [...]»; строение же прямоугольных зданий предполагает умение возведения *прямоугольной* стены в воздухе, направленной ввысь, а также способность фиксировать ансамбль из двух перпендикулярных стен»⁵. Археология показывает, что прямая стена, изначально возникшая для отделения круглых домов друг от друга, позже, будучи наиболее эффективным техническим решением обустройства и развития жилого пространства, окончательно возобладала. Однако, несмотря на усвоение технологии прямой стены, в некоторых местах продолжала существовать круглая форма. Согласно Ковану, подобное объясняется культурными причинами, а никак не недостаточной технологичностью. Это означает, что символические ограничения традиции, на которых зиждутся обретаемые навыки, не менее значимы, чем функциональные ограничения, способствующие новшествам.

Эти изменения особенно важны, поскольку прямоугольная форма делает возможным одновременно и горизонтальное, и вертикальное расширение построек. Такая форма является гибкой и эластичной структурой – своего рода возобновляемым *модулем*, способным реагировать на вызовы демографического роста. Система террас и высоких комнат предоставляет пространство как для дополнительного жилья, так и для продовольственного хранения (особенно на террасах, которые легко изолировать от грызунов и влажности). Изобретённая в деревнях формула (которая в зародыше содержит принцип прямоугольной вытянутой решетки) будет использована и усовершенствована уже в городской архитектуре, поскольку она оказалась наиболее эффективной в обустройстве внутреннего жилого пространства, городских путей сообщения, а также в построении наружных стен города и его памятников. Таким образом, с этой перспективы мы наблюдаем значительную морфологическую непрерывность деревни и города.

Другая отличительная черта деревенского жилья территории Плодородного полумесяца — это одинаковое предназначение домов. Все они выполняют идентичные базовые функции: жилья и хранения продовольствия. Иные сооружения, такие как зернохранилища и складские помещения, строятся отдельно, но ничто не подскажет нам, являются ли они общественными зданиями или пристройками, принадлежащими той или иной семье. Их расположение в пространстве склоняет нас скорее ко второй гипотезе. И напротив, основной отличительной чертой городского пространства с момента его первого появления на рубеже XI-VIII тысячелетий до н.э. является существование *коллективных сооружений*. Эти строения могли быть всевозможных типов: городские стены, храмы, дворцы, каналы. Отметив этот факт, спросим себя: можем ли мы, исходя лишь из наличия коллективных сооружений, считать их частью публичной сферы (пока мы не уточняем смысл этого понятия) как основополагающего аспекта сугубо городского пространства?

В конечном итоге, заметим, что *деревенский порядок* предполагает приблизительно одинаковый размер всех сооружений, что, в свою очередь, может свидетельствовать о равенстве условий (однако, этому нет подтверждений). Хотя некоторые дома порой кажутся более важными, нежели другие, мы не знаем наверняка, идёт ли речь о месте жительства вождя или просто-напросто о доме состоятельного человека. Напротив, в *городе* появляется четкое различие между жильём обычных людей и домами элит: политических (дворцы королей и знати), религиозных (храмы) и коммерческих (дома семей торговцев и разбогатевших ремесленников). Поэтому город — это место первичной *иерархической дифференциации* (не новой, впрочем, для аграрных цивилизаций, однако, мгновенно читающейся в городской архитектуре).

Нам остаётся лишь ответить на ранее поставленный вопрос. Аграрная революция Плодородного полумесяца свершилась на холмистых территориях, но города в большинстве своём появляются в долинах рек. И хотя на холмах развиваются всё более важные городки (*bourg*), отличительных черт города как такового они ещё не имеют. Это означает, что вопреки распространённой теории, одного лишь увеличения количества аграрных ресурсов недостаточно для появления городского феномена. Требовалось нечто совершенно иное. В первую очередь, понадобилось появление нового подхода к использованию ресурсов, учитывающего и материальные, и социальные условия. Согласно археологическим данным, этот новый подход изначально был связан с перемещением злаковых культур на речные берега, где почва была плодородной, а обеспечение водой стало постоянным благодаря изобретению оросительных каналов. Здесь же появляется важный феномен: соотношение между *нехваткой* и *избытком*. Нехватка касалась таких ресурсов как древесина, строительный камень, смола, позже минералы. Поэтому необходимо было либо их доставлять, либо обменивать на избыточные аграрные продукты. С самого начала необходимый обмен олицетворяет не только решающее экономическое изменение, но также способствует, учитывая особенности перевозки ресурсов, значительным политическим и технологическим изменениям. Другой специалист в этой области комментирует сложившуюся ситуацию так:

Каким образом, когда не было ни колеса, ни [одомашненного – прим. переводчика] осла, которые появляются лишь к 3000 до н. э., могли осуществляться подобные обмены? В ситуации отсутствия любого иного вида транспорта, кроме носильщиков, лишь реки и каналы составляли необходимую инфраструктуру. Об этом свидетельствует пример первых городов Месопотамии, тесно связанных с рекой или каналом. Цель подобной взаимосвязи состояла в бесперебойном обеспечении водой как для повседневных нужд, так и для ирригации полей. Однако не менее важным было укрепление путей сообщения. Взлёту городов не так способствовало наличие источника воды, как существование водного пути, то есть, воды, текущей в определённом направлении. Другими словами, росту городов содействовало не

только возделывание больших аграрных территорий (как мы полагали ранее), но и развитие торговли⁶.

Таким образом, движение обменов по различным сетям изначально является основополагающим для возникновения городского феномена (что прекрасно понимал Макс Вебер). Однако необходимо обратить внимание и на социальные условия. Вышеприведённая цитата описывает большие территории, где излишек одних обеспечивается за счёт работы других. Здесь мы имеем дело со сложной историей доминирования одних групп над другими. Подобное неравенство, безусловно, связано с «аграрной революцией», но не стоит его сводить лишь к одному из её последствий. Рабство, к примеру, объясняется не столько диспропорцией в наличии ресурсов (она только лишь его усиливает), сколько взятием военнопленных. Более того, вероятно, что в данном случае стоит говорить скорее о слугах или о подневольных, нежели о рабах. Источники (такие как *Кодекс Хаммурапи*) удостоверяют раннюю, по крайней мере, для общества Месопотамии, иерархизацию (знать: awilûm, средний класс: muskenum, слуги: wardum), а также, как и везде, соответствие неравных условий и системы эксплуатации. В Месопотамии это связано с очень древним порядком землевладения и с его скрупулёзными правовыми нормами, чётко передающими механизм политического господства и порядок распределения и захвата земель, исполнению которых посвящает себя город монарха. Однако «деспотическое» видение месопотамского общества было бы также ошибочным. Ведь речь идёт скорее об обществе долгов и услуг; об обществе, вероятно, первым изобретшим форму наёмного труда⁷. Но, поскольку работа там успешно регулировалась и компенсировалась, остаётся понять, в чём город, будучи обустроенным пространством и уникальной социальной структурой, нуждается как в механизме качественно нового типа.

Марселю Энаффу in memoriam (1942-2018)

Перевела с французского Галина Помилуйко

Hénaff, M. (2008). Le cas des premières villes connues: Croissant Fertile, Mésopotamie. In *La ville qui vient* (pp. 21-32). Paris, L'Herne.

Примітки

1. S.N. Kramer, *The Sumerians. Their History, Culture and Character*, Chicago, Univ. of Chicago Press, 1963; J. L. Huot, [éd.] *Préhistoire de la Mésopotamie*, Paris, éd. Du CNRS, 1987; André Parrot, *Sumer*, Paris, Gallimard, 1960; R. C. Mc Adams, *Heartland of cities*, Chicago, Univ. of Chicago Press, 1981; O. Aurenche, *La Maison orientale du Proche-Orient ancien des origines au milieu du quatrième millénaire*, Paris, éd. Geuthner, 1981. H. J. Nissen & J. Renger, *Mesopotamien und seine Nachbarn*, Berlin, 1982 ; Jean-Claude Margueron, *Les Mésopotamiens*, Paris, A. Colin, 1991.
2. Jacques Cauvin, *Les Premiers villages de Syrie-Palestine du IX au VII millénaire av. J.-C.*, Lyon, Maison del'Orient, 1978 ; Jacques Cauvin, *Naissance des divinités, naissance de l'agriculture*, Paris, Flammarion, 1997.
3. Id., 1997, op. cit., p. 174-175.
4. J.C. Margueron, *Les Mésopotamiens*, op. cit., p. 9-17.
5. J.Cauvin, 1997, op. cit., 66 sq. et 175 sq.: "L'habitat au carré".
6. J. C. Margueron, *Les Mésopotamiens*, t. 2. op. cit., p. 22.
7. Cf. J.J. Glassner, *La Mésopotamie*, Paris, Belles Lettres, 2002, p. 84 sq.